

РЕНЕ РУССИЙОН

Психоанализ нарциссизма и неизбежность «постмодернистского» психоанализа, 2013

Источник: <https://reneroussillon.com>

Я решил подойти к вопросу постмодернистского психоанализа через изучение разнообразия психоаналитических практик в современном обществе, особенно в том, что касается анализа нарциссизма, а также дискуссий и трудностей, лежащих в основе этого разнообразия.

Когда я анализирую свой собственный опыт в области психоанализа в наше время — когда я слушаю зарубежных коллег на международных конференциях или вспоминаю свои дискуссии с такими коллегами, когда их сообщества приглашают меня выступить на их собраниях, — меня особенно поражают два момента.

Во-первых, меня впечатляет разнообразие психоаналитической практики — можно даже говорить о разных психоаналитических «культурах». Как будто история породила разные способы интерпретации психоаналитической практики, применения психоанализа и, возможно, понимания того, как может выражаться бессознательная психическая реальность. Это особенно заметно в отношении психоаналитического сеттинга — и я имею в виду не только количество сеансов, о котором уже много написано, хотя это, возможно, и не самый важный аспект.

Очевидно, что психоанализ проводится по-разному в разных странах и на разных континентах. Например, существует «бразильский» стиль психоанализа — и, возможно, даже множество таких стилей: я не уверен, что некоторые элементы обстановки, характерные для Рио-де-Жанейро, будут типичны для Бразилиа, Салвадора-де-Баия или даже Порту-Алегри. Также существует (несколько?) «английских» и «ливанских» форм психоанализа, и эти различия приводят к межаналитическим дискуссиям в рамках психоаналитических сообществ, которые также сильно отличаются друг от друга и не сосредоточены на одних и тех же основных темах.

Некоторые психоаналитические культуры, как мне кажется, уделяют особое внимание взаимосвязи между разумом и телом, разумом и чувственностью, а также разумом и сенсомоторными функциями. Другие уделяют больше внимания социальным и групповым аспектам процессов символизации. Некоторые страны, в которых правили диктаторы или существовали тоталитарные режимы и где психоанализ проводился в условиях политической системы террора, надолго остались отмеченными этим опытом; в других странах нельзя игнорировать религию и её многочисленные аспекты.

Тем не менее у меня часто возникало ощущение, что культурное разнообразие, которое я наблюдал в психоанализе, было связано не только с «климатом» или специфическими аспектами социальной истории групп психоаналитиков. В отношении этого ощущения разнообразия следует также учитывать влияние некоторых членов-основателей, иммиграцию некоторых теоретиков или воздействие взятых за основу базовых текстов. Иногда это приводит к созданию теоретического плавильного котла, в котором всегда можно найти что-то новое и неожиданное. То, как Кляйн, Бион

и Винникотт повлияли на южноамериканский психоанализ, не менее важно, чем, наоборот, то, как их труды были поняты с учётом особенностей соответствующих стран. Часто я не мог понять, как «мой» Винникотт или «мой» Блон — разумеется, во французском стиле — используются моими коллегами. А что нам думать о психоанализе в духе Делёза, который, например, можно найти в Сан-Паулу и который был бы немыслим во Франции?

Я просто привожу здесь несколько примеров этого разнообразия, несомненно, весьма субъективного и личного, почерпнутых из различных источников и основанных на моих впечатлениях от них. Несомненно, их нужно изучить более подробно, чтобы оценить в полной мере, но я надеюсь, что этого будет достаточно, чтобы подтвердить наше ощущение того, что на явном уровне больше не существует единой формы психоанализа — мы должны учитывать существование нескольких видов психоанализа. Вероятно, именно это разнообразие объясняет постмодернистское развитие нашей концепции психоанализа и самой психоаналитической практики.

Этот факт, безусловно, в какой-то степени справедлив, но этот общий обзор следует дополнить более удивительным обстоятельством: в любом случае у меня складывалось впечатление, что я могу вести настоящий психоаналитический диалог со своими зарубежными коллегами. Конечно, мне пришлось отказаться от мысли, что мой образ мыслей был бы единственно верным и значимым, а все остальные просто ересью или инакомыслием и заслуживали лишь «хорошей» критики со стороны Франции. Я сам абсолютно убеждён в том, что психическая жизнь по своей сути сложна и что если какой-то клинический элемент выглядит так, будто его можно интерпретировать только одним способом, это означает, что он был создан *ad hoc* и что при его описании было упущено всё, что могло бы открыть путь к другим интерпретациям.

Различные психоаналитические школы по причинам, несомненно, связанным с конкретными элементами их истории, развивали и исследовали определённые клинические или теоретические аспекты в большей степени, чем в других местах, где преобладали иные культурные или исторические обстоятельства. Что касается теории, то дискуссии на эту тему часто бывают очень сложными и иногда создают впечатление, что участники вообще не понимают друг друга. С другой стороны, клинические дискуссии всегда очень продуктивны. Если бы мы ограничились клиническими дискуссиями, это, возможно, было бы лучшим способом наладить более продуктивный диалог и уловить суть постмодернизма в процессе его выражения. Стоит подчеркнуть, что большинство обществ, рассылающих приглашения, хотят обсудить с приглашёнными докладчиками клинические темы или случаи из практики, как будто это действительно лучший способ оценить их вклад.

Несмотря на то, что на клинические проявления, несомненно, влияет культурное разнообразие, вполне вероятно, что психическая реальность сама по себе содержит достаточно транскультурных элементов и сложна настолько, чтобы на основе общего клинического опыта можно было добиться плодотворных результатов, тем самым сделав возможными общие формы мышления и плодотворные дискуссии.

Позвольте мне попытаться описать эту «плодотворную продуктивность» совместного опыта или проблемных структур. Меня поражает тот факт, что в том или ином смысле это связано — я буду говорить своими словами, но, конечно, возможны и другие формулировки, в зависимости от преобладающих теоретических взглядов, — с клиническими вопросами и проблемами, которые больше всего мотивируют аналитиков, независимо от их психоаналитической культуры или школы мысли; эти вопросы связаны с особенностями психоанализа нарциссических проблем и их влиянием на самоощущение пациентов, проходящих анализ. Под «чувством идентичности» я подразумеваю, что вопрос о разграничении между «я» и тем, что «я» не является, между «я» и «другим» — один из ключевых в анализе таких пациентов. Этот вопрос часто скрывается за

проблемами, связанными с гендерной идентичностью или с тем, как пациент воспринимает себя в контексте различий между поколениями; иногда он открыто проявляется в отношениях пациента с другими людьми или с собственным телом.

Мне кажется, что такое разнообразие точек зрения напрямую связано с тем, что один из аспектов нарциссических проблем и проблем, связанных с идентичностью, заключается в том, что они направлены на психоаналитика как на личность и имеют весьма специфический характер. Кроме того, эти проблемы вызывают различные реакции, как я попытаюсь показать далее в этой статье.

Эти различные идеи привели меня к тому, что я хотел бы предложить в качестве попытки определить, с одной стороны, клинические проблемы, лежащие в основе теоретических и клинических дискуссий, которые являются неотъемлемой частью современного психоанализа, а с другой стороны, то, как эти проблемы ставят под сомнение единство психоаналитической практики, тем самым вынуждая нас признать некоторую степень теоретического и клинического релятивизма. Моя цель здесь не в том, чтобы предложить «свои» решения возникающих вопросов — по крайней мере, я стараюсь этого не делать, поскольку очевидно, что сама формулировка этих вопросов уже указывает на определённый образ мышления, — а в том, чтобы обозначить клинические и теоретические проблемы, которые, на мой взгляд, лежат в основе постмодернистского развития психоанализа.

Разнообразие, являющееся неотъемлемой частью постмодернистского психоанализа, поднимает вопрос о единстве психоанализа — или, по крайней мере, о единстве ответов психоаналитиков, — а также побуждает нас объединить все области, представляющие интерес для данной дискуссии, с точки зрения теоретических и клинических вопросов, общих для различных направлений психоанализа. Ответы вполне могут быть разными или противоречивыми, но сами вопросы, возможно, являются общими для всех, и проблемы, с которыми сталкиваются аналитики — при условии, что они пытаются быть последовательными с самими собой и отказываются от какой-либо априори воинствующей точки зрения, — возможно, одни и те же, даже несмотря на то, что способ, которым они формулируются, может быть разным (поскольку этот аспект неизбежно связан с каждым конкретным культурным фоном).

Чтобы сформулировать их, я, конечно же, сталкиваюсь с вопросом, который я поднимал ранее, — с вопросом о том, какую теорию или формулировку проблем выбрать. Таким образом, я сталкиваюсь с ограничениями моей собственной психоаналитической культуры. Эта трудность неизбежна, и я не вижу, как её можно полностью обойти.

Размышляя о том, как максимально сузить круг поиска, я пришёл к выводу, что мне будет проще погрузиться в то, что объединяет большинство психоаналитиков, если я буду основывать свои исследования на следах, оставленных этими проблемами в трудах самого Фрейда. Хотя чтение работ Фрейда, возможно, и не является центральным элементом обучения или теоретизирования всех психоаналитиков, всё же есть надежда, что его роль как отца-основателя психоаналитического мышления придаёт его работам достаточную ценность, чтобы они могли служить ориентиром и, насколько это возможно, поддерживать идеи, которые я здесь развиваю. Тем не менее я не хочу переоценивать эту возможность. Я надеюсь, что клинические аспекты, которые я здесь затрону, помогут преодолеть разрыв между теми, для кого это не является (или больше не является) важным ориентиром.

Меланхолия и тупик «единой» формы психоанализа

Моё первое предположение основано на том факте, что в 1915 году, после того как Фрейд выдвинул идею о проблемах, связанных с нарциссизмом, он попытался изложить примерно в пятнадцати

статьях то, что было известно на тот момент. Это происходило в контексте того, что я называю его «первой метапсихологией». Этот проект завершился работой «Печаль и меланхолия» (1917e [1915]), в которой он начал рассматривать то, что в то время называл «нарциссическими невротами».

На мой взгляд, это произошло неслучайно, потому что, как мне кажется, Фрейд начал понимать, что, несмотря на несомненные достижения, к которым привела эта работа, его теоретизирование и попытки представить единый теоретический корпус столкнулись с одной серьёзной трудностью, которая привела его к парадигмальной эволюции, до сих пор лежащей в основе нашего мышления.

Подводя итог тому, как я вижу эту трудность, я бы сказал, что Фрейд не только чётко фокусирует внимание на проблеме утраты объекта — как это с тех пор стали называть во многих работах, — но и исследует меланхолию с точки зрения того, что, по моему мнению, можно назвать «первичным нарциссическим разочарованием» в отношениях с объектом, в частности с первичным объектом. Таким образом, в наших теоретических и клинических взглядах сразу же возникает одна фундаментальная альтернатива: *объект был утрачен или он разочаровал?* Речь идёт об отсутствующем объекте или об объекте, который своим присутствием разочаровывает? Выбор стоит между поиском потерянного объекта, который невозможно найти снова, и поиском объекта, который на самом деле никогда не был найден и разочаровывает тем, что его нельзя найти или увидеть в одном из его фундаментальных аспектов.

Является ли меланхолия причиной того, что человек не может скорбеть, потому что он не может довольствоваться частичным обретением утраченного объекта, потому что он бесконечно ищет полного воссоединения с объектом и не может оплакивать утрату этого полного воссоединения? Или потому, что невозможно оплакивать утрату того, что никогда не было найдено, тем, чем человек никогда не владел, — так что это нужно найти «любой ценой», заставить это появиться?

Что относится к той или иной из этих ситуаций в меланхолических глубинах нарциссических проблем? Что мы можем увидеть из того, как эти две ситуации смешиваются в реальной клинической картине конкретного человека? *Что потеряно — объект или сам человек?* Потеряли ли человек в поисках объекта, который невозможно найти? Это один из самых первых вопросов, возникающих в современных дискуссиях между теми, кто делает акцент на утраченном объекте, который невозможно найти, и теми, кто подчёркивает, чего не произошло при встрече с объектом. Этот вопрос часто становится предметом споров между психоаналитиками.

Блестяще сформулировав эту мысль, Фрейд также сказал, что при меланхолии «тень объекта падает на эго» (1917e, стр. 249). Это было ещё одно важное предположение, которое он выдвинул в своей статье. Возможно, в то время он не до конца осознавал все последствия этого, хотя мы вполне можем предположить, что он имел о них некоторое представление.

Тень — это не объект; это даже не отражение объекта — скорее, её можно рассматривать как негатив объекта. Что же тогда *является* негативом объекта, первичного нарциссического объекта? Идея тени, по-видимому, указывает на то, что это нечто, чего первичный нарциссический объект не отражал в индивиде, а именно тот аспект, в котором объект подвергал риску нарциссизм индивида, оставляя в тени некоторые его фундаментальные аспекты.

Эта мысль сразу же порождает другой вопрос: что происходит с тенью, когда она «падает» на эго? Не слишком ли далеко заходит метафора, когда мы задаёмся этим вопросом? Я не имею в виду то, что Фрейд (в «Торможение, симптомы и тревога» [1926d (1925)]) сказал об эго — возвращаясь к вопросу, который занимал его в 1890-х годах, когда он писал об «ассимиляционном бреде» (Фрейд 1950a [1887–1902]), то есть о том, что оно стремится ассимилировать и усвоить всё, что на него попадает.

Когда тень (негатив) объекта «падает на эго», эго стремится ассимилировать эту тень. Эго и «тень» объекта, смешанные воедино, могут привести к смешению эго и объекта, что лежит в основе «нарциссических неврозов». Эта угроза смешения поднимает вопрос о том, сталкиваемся ли мы в переносе с процессом, происходящим внутри личности, или с процессом, исходящим от инкорпорированного объекта. В этом и заключается основная проблема, связанная с природой процесса идентификации, которая становится ещё более сложной, когда мы понимаем, что он затрагивает не только природу запускаемого процесса (например, интроекцию или инкорпорацию), но и конкретные аспекты объекта, с которым идентифицируется индивид (помогающий объект или агрессор).

В 1921 году в описании Фрейдом процесса идентификации с ядром инкорпорации, которое он в нём видит, уже отчётливо прослеживается тема ассимиляционных процедур, характерных для нарциссического функционирования эго. При меланхолии идентификация больше похожа на инкорпорацию, чем на интроекцию, и является нарциссической. Тем не менее она включает в себя процесс, который негативирует *<стирает – прим.пер>* на личность или её часть, процесс, который не признаёт личность как таковую, оставляя её в тени, отбрасываемой молчанием и слепотой объекта — объекта, который, возможно, потерян для самого себя.

Исходя из этого, Фрейд сделал два вывода о том, что происходит с деструктивностью: первый — в 1915 году в работе «Печаль и меланхолия», второй — в 1921 году в постскриптуме к *«Групповой психологии и анализу Эго»* (Freud 1921c), где он снова предлагает альтернативные интерпретации.

Либо деструктивность индивида, направленная на объект (1915), обращается против эго, когда оно инкорпорировало объект, либо деструктивность объекта (1921), направленная на индивида, высвобождается изнутри и направлена против эго, которое его ассимилировало. В любом случае любая попытка индивида справиться с этим в одиночку заходит в тупик, и в распоряжении психоаналитика нет готовой и однозначной интерпретации.

Три «типа характера», которые Фрейд описал в следующем году (1916d, стр. 309), также находятся в тупике. Они представляют виды нарциссических патологий, которые все еще являются важной частью нашей клинической работы: во-первых, «исключения» (стр. 311), которые чувствуют себя выше закона; затем «те, кто потерпел крушение от успеха» (стр. 316), которые демонстрируют негативную терапевтическую реакцию во время своего анализа — все еще большая проблема для современного психоанализа, порождающая множество противоречивых публикаций; и, в-третьих, «преступники из чувства вины» (стр. 332), которые поднимают очень сложный вопрос психоанализа некоторых форм антисоциального поведения и бессознательного чувства вины - ведущих к разновидности мазохизма, анализ которого даже сегодня очень сложен и, возможно, весьма противоречив.

Когда в 1920 году Фрейд добавил к этому списку идею о травматических неврозах, он понял, что ему придётся расширить фундаментальную парадигму психоанализа — парадигму основных принципов «психического функционирования», — хотя это и было для него болезненно. Другие психоаналитики того времени также с трудом принимали эту идею, как и многие современные психоаналитики.

Таким образом, *вопрос о значении повторения — и, следовательно, переноса*, который является одним из основных аспектов повторения в психоаналитическом лечении, — стал основополагающим в психоаналитической практике, особенно при анализе проблемных комплексов, связанных с нарциссизмом и чувством идентичности. На мой взгляд, на этот вопрос нет простого ответа; более того, современные психоаналитики, вероятно, не пришли бы к единому мнению по этому поводу. Я склонен считать, что в сочетании с идеей деструктивности это одна из самых фундаментальных и спорных тем как для каждого аналитика в отдельности, так и для разных

аналитиков в целом. Любая предлагаемая интерпретация этой темы неизбежно должна быть очень сложной.

Это создаёт контраст между, с одной стороны, точкой зрения, унаследовавшей отчасти фрейдовский пессимизм того времени и его концепцию влечения к смерти как фундаментального элемента всего, что связано с влечениями, и, с другой стороны, точкой зрения, вдохновлённой некоторыми более поздними работами Фрейда 1937–1938 годов, в которых повторение рассматривается как посттравматическое указание на трудности с интеграцией чего-либо в сознании.

С одной стороны, бегство от связей <unbinding> и зависть считаются причинами трагической судьбы тех, кто не испытывает первичного траура по объекту, или идентичности мысли, сопровождающей его. С другой стороны, подчёркивается травмирующий характер некоторых неинтегрированных переживаний, которые атакуют уже существующие процессы в поисках места, где они могли бы уместиться. Здесь мы могли бы вспомнить, что Фрейд говорил в 1920 году о влечении к смерти, или, возможно, обратить внимание на его более поздние заметки, написанные в 1938 году, когда он был в Лондоне. В них он упоминает «слабость способности к синтезу» (Freud 1941f [1938], стр. 299) у младенцев как основную причину повторения.

И здесь интерпретация снова приводит к определённому конфликту при попытке учесть сложную природу психической жизни и множество уровней, на которых она функционирует. Ситуация становится ещё более запутанной, когда мы понимаем, что, пытаясь контролировать происходящие процессы, человек может активно противодействовать им, если не может держать их под контролем. Психический материал больше нельзя интерпретировать однозначно; психоаналитику приходится решать вопрос о выборе уровня интерпретации в соответствии с конкретной природой происходящих процессов.

Функция объекта и, помимо этого, функция аналитика

Тупики и проблемы, возникающие при анализе «нарциссических неврозов» и лежащей в их основе меланхолии, также порождают вопросы о роли и функциях объекта в регулировании деструктивности — иными словами, о «реальности» объекта.

Объединение вопроса об объекте с вопросом о нарциссической регуляции подразумевает попытку определить роль истории взаимодействия с «реальными» объектами в формировании нарциссизма, а также попытку измерить *влияние реакции объектов на процесс интеграции влечений внутри личности*. Это также поднимает вопрос о реальности объекта для индивида, а также о том, что в его/её восприятии этой реальности связано с его/её собственными проекциями по сравнению с восприятием специфических особенностей объекта, воспринимаемого как другой субъект со своими особыми характеристиками. Это также приводит к вопросу о реальности объекта в соответствии с возрастом индивида и его психическим строением на момент, когда этот опыт был зарегистрирован как таковой.

И снова исторический релятивизм кажется здесь неизбежным и поднимает вопрос о том, какую точку зрения занимает психоаналитик: ту, что относится к «здесь и сейчас» сеанса, или ту, что относится к другому месту и другому времени, когда происходил первичный опыт, который переносится? На более фундаментальном уровне это связано с реальностью аналитика и с тем, как он/она интерпретирует.

Сегодня, по крайней мере в теории, все согласны с тем, что реальные объекты и то, как они влияют на психическую деятельность человека, имеют определённое значение для формирования его психики. Мы также можем согласиться с тем, что личность аналитика должна играть определённую

роль в процессе анализа. Вопрос в том, какое влияние это признание оказывает на практику и технику психоанализа, и этот вопрос в настоящее время является ключевым для наших дискуссий.

С одной стороны, можно утверждать, что не имеет значения, как вели себя объекты, с помощью которых индивид формировал себя в прошлом, — важно то, как индивид это воспринял. Следовательно, в нашей работе как психоаналитиков мы должны иметь дело именно с этим и только с этим. Это означает, что мы делаем акцент на проективном измерении переноса и фокусируемся на том, что происходит здесь и сейчас во время сеанса.

С другой стороны, можно сказать, что если бы мы всегда придерживались такой позиции во время сеанса, то анализируемый чувствовал бы себя запертым в своего рода солипсизме, соучастником фантазий об автогендерности, типичных для нарциссических защит. Это своего рода реверс, который говорит в пользу того, чтобы по крайней мере признавать исторические «недостатки» первичных объектов и их возможные изъяны в отношении родительских функций, а также, возможно, признавать, что и самому аналитику может чего-то не хватать в его/её нынешней работе. Тогда мы могли бы опереться на то, что Фрейд сказал в «Конструкции в анализе» (1937d)^[1] — «[...] признание его [т. е. разочарования –delusion] ядра истины могло бы стать общей основой, на которой могла бы строиться терапевтическая работа» (стр. 268). Я бы добавил, что ядро истины, содержащееся в текущем переносе пациента, также может помочь — наряду с идеей Винникотта об «использовании объекта» (1971) — в попытке реконструировать исторический контекст травмирующих ситуаций, с которыми столкнулся анализируемый. В таком случае аспект «здесь и сейчас» может в полной мере проявиться только в том случае, если он будет диалектически связан со своим аналогом «где-то ещё и когда-то давно». Таким образом, перенос — это уже не просто проекции пациента, или, скорее, если это действительно проекция в настоящем времени (и она вполне может опираться на то, что происходит в настоящем), то она несёт в себе след реальных реакций исторического объекта.

Помимо идеи проекции, то, что делает спорным и неопределённым взятый уровень интерпретации, связано с тем, что кажется травмирующим или было травмирующим, а также с влиянием такого события на тупики и деструктивность, которые являются частью клинической картины. Это связано с влиянием реальности объектов, воспринимаемых как другие субъекты, на «психическое функционирование». Это приводит нас к ещё одному фундаментальному вопросу — влиянию «реальности» психоаналитика на его/её аналитическую работу.

«Перевод в осознанное» и работа конструирования

В то же время велись и другие дебаты, полностью соответствовавшие клиническим идеям Фрейда о «принципе удовольствия». Эти крайне важные дебаты касались бессознательного и природы бессознательных процессов.

В первой главе книги *«Я и Оно»* (1923b), в которой Фрейд всё ещё исследует идею парадигматического развития, намеченную в 1920 году, он задаётся вопросом, можно ли по-прежнему говорить о «бессознательном», как если бы существовал только один такой элемент, всегда формирующийся одинаково, — как если бы существовал только один способ быть бессознательным. Далее он перечисляет различные клинические формы бессознательного: те, что уже были выявлены, — компоненты Ucs-Pcs, которые могут легко стать осознанными, и бессознательное в смысле чего-то вытесненного, то есть чего-то, что в прошлом было осознанным, но вторично вытеснилось из-за какого-то конфликта. К ним он добавляет третий вид. Он имеет совершенно иную природу, поскольку относится к мыслям, которые не могут стать осознанными в такой форме. Такое разнообразие бессознательных процессов и их содержания открывает новые возможности для обсуждения выбора, который делает психоаналитик в процессе интерпретации.

Таким образом, существует не только «за пределами принципа удовольствия», но и «за пределами вытеснения». «За пределами вытеснения» — это не проекция, отрицание или то, что Фрейд позже назовет расщеплением, хотя оно может сочетаться с этими различными защитными механизмами. «За пределами вытеснения» — это сама природа необработанного психического материала, который не может стать осознанным в своей первоначальной форме. Несомненно, это связано с тем, что Фрейд называл импульсами, связанными с влечениями, или «психическими представителями» влечений.

Один из результатов такого всё более сложного взгляда на бессознательные процессы можно сразу же заметить в аналитической работе — это выбор психоаналитиком уровня интерпретации, которого он придерживается. Дело в том, что, согласно описанию Фрейда, различные модусы бессознательного не исключают друг друга, а, наоборот, могут сосуществовать и даже совпадать, накладываясь друг на друга.

Размышляя о том, как вмешаться в процесс, аналитик может продолжать придерживаться модели вытеснения / возвращения вытесненного или, возможно, уделять гораздо больше внимания тому, что не было достаточно трансформировано психической работой пациента, чтобы стать осознанным.

Идея травматизма и его возможного отложенного и ретроактивного воздействия [*après-coup*] снова может стать одной из проблемных областей в этом споре.

Аналитик может основывать свои замечания на том, что говорил Фрейд в период расцвета первой метапсихологии, и подчёркивать важность отсроченного и ретроактивного воздействия, а также возможных в связи с этим ре-интерпретаций. Здесь необходимо учитывать, что по-настоящему примитивный аспект травматизма неизбежно подвергается повторному рассмотрению и переосмыслению в соответствии с более поздними психическими структурами, которые используют эти ранние следы. С этой точки зрения наличие травматизма не оказывает существенного влияния на подход к психоанализу.

С другой стороны, если аналитик обращается к более поздним работам Фрейда, он может прийти к выводу, что некоторые травмы не подверглись отсроченному и ретроактивному воздействию психического процесса, поскольку они были отделены от процесса историзации индивида как субъекта.

С этой точки зрения травма парализует психический аппарат и оставляет необработанный материал опыта нетронутым (или лишь слегка изменённым), так что он не может стать осознанным в своей первичной, не вытесненной форме. Согласно этому определению, то, что остаётся бессознательным, должно быть преобразовано, чтобы стать осознанным, но человек не может осуществить это преобразование самостоятельно.

В этой модели, когда исходный материал опыта всплывает на поверхность, он не предстаёт в форме фантазий, то есть представления, которое хотя бы частично символизируется; он не несёт в себе никакого аффекта, структурированного в терминах «аффективного сигнала» (Freud 1926d, p. 126). Оно возвращается скорее как своего рода галлюцинаторное восприятие (Freud 1937d) или как примитивный аффект, который представляет собой «травматическое возбуждение <disturbance>» (Freud 1926d, стр. 136) всего существа, аффект страсти, который субъективируется лишь в очень ограниченной степени, если вообще субъективируется.

Современные психоаналитики, изучавшие эти вопросы, добавили к списку Фрейда всё, что связано с чувственностью и даже с сенсомоторными функциями. Они подчёркивали появление ментального содержания, у которого, по-видимому, нет субъекта — а иногда нет ни субъекта, ни объекта, — а есть лишь следы чувственного восприятия какого-то движения или краха, ощущения

чего-то имеющего форму или бесформенного, чего-то исчезающего, скользящего, неуловимого вихря, чего-то очень смутного...

Интерпретативная точка зрения, основанная на модели вытеснения/возврата вытесненного, заключается в том, чтобы дожидаться проявления этих бессознательных содержаний в ходе анализа и не вмешиваться в этот уровень функционирования психики, чтобы дать пациенту возможность постепенно преобразовать первичный материал его/её самых ранних переживаний.

При другом способе интерпретации — или в других случаях — аналитик может прийти к выводу, что значительная часть этого психического материала никогда спонтанно не сможет сформироваться таким образом, чтобы стать осознанной — в противном случае это уже было бы сделано — и что он будет подвергнут декатексису, если аналитик не вмешается и на этом уровне. Он/она вполне может чувствовать, что этот примитивный материал, который, по словам М. Фэна, служит прелюдией к фантазиям, сможет раскрыться и обрести некую форму символического представления только в том случае, если он будет контекстуализирован и проиллюстрирован с помощью творческой работы психоаналитика, который пытается представить фигуры субъекта и объекта, отсутствующие в представлениях анализируемого.

Практические последствия такого подхода, который порой неизбежен, очевидны и имеют далеко идущие последствия: если человек не может самостоятельно преобразовать часть необработанного материала своего опыта — ту часть, которая сохранила свой статус посттравматического материала, — психоаналитику придётся участвовать в этой работе по преобразованию. Это может быть достигнуто только благодаря его собственным параметрам и творческому подходу; влияние, которое оказывает психоаналитик, и, возможно, даже эффект внушения, содержащийся в его действиях и творческом подходе, станут неизбежными. Я вернусь к этому вопросу позже, когда буду говорить о синтезе; на данный момент очевидно, что в рамках этой концепции психоаналитик принимает гораздо более непосредственное участие в процессе и должен учитывать последствия этого участия. Здесь постмодернистская точка зрения также становится неизбежной, поскольку разнообразие в творчестве аналитиков становится фундаментальным элементом лечения.

Учитывая, что «тень психоаналитика падает на лечение», соблазнение, внушение и влияние в процессе анализа уже неизбежны[2], иначе анализируемый был бы предоставлен самому себе в своих страданиях и одиночестве чувств. Даже если их можно в какой-то степени контролировать в их сознательных и преднамеренных аспектах, часть этого неизбежного влияния неизбежно остаётся за пределами сознания и представляет угрозу для работы психоанализа с точки зрения того, какую власть имеет над ним аналитик. Именно тогда на сцене вновь появляется угроза внушения.

На мой взгляд, Фрейд интуитивно чувствовал, какие практические последствия может иметь тот факт, что часть психической жизни не может стать осознанной в своей изначальной форме, а также понимал, что это может привести к злоупотреблениям в практике психоанализа. Он оставил множество указаний на это в своих работах того времени [3]. Сны - опорный пункт психоанализа в противовес внушению, предполагаемый бастион нарциссизма индивида, снящиеся ночью в отсутствие аналитика, сны, которые, казалось, устанавливали независимую природу психических процессов анализируемого, оказывается, находятся во власти одного возможного влияния: Фрейд обнаружил и продолжил описывать сны об «уступчивости» (1923с [1922]), сон, который снится для того, чтобы доставить удовольствие аналитику, сон, который снится для того, чтобы поддержать нарциссизм другого человека. Подвергаются ли сами бессознательные процессы коммуникации между бессознательным и бессознательным, одной из форм которой является телепатия (Фрейд, 1922а)?[4] Являются ли сны — и, возможно, даже сам психоаналитический метод лечения — предпочтительной средой для этого? Если это так, то вся логика и обоснованность работы психоаналитика должны быть пересмотрены.

Если какой-то психический материал может достичь сознания только после того, как он будет преобразован совместными усилиями психоаналитика и пациента — благодаря работе психоаналитика по иллюстрированию, — то работу по анализу больше нельзя рассматривать только как интерпретацию, которая, помимо конкретной формулировки, остаётся относительно независимой от специфических особенностей личности психоаналитика.

В 1937 году Фрейд признал это и предложил концепцию (ре)конструкции, чтобы учесть эту особенность работы психоаналитика. Его статья «Конструкции в анализе» (1937d) начинается с напоминания читателю о критике в адрес психоанализа, утверждающей, что это просто своего рода внушение, которое загоняет анализируемого в ловушку парадокса типа «орёл — я выигрываю, решка — ты проигрываешь».

Кроме того, на первый план выходит сама идея оценки значимости вмешательства психоаналитика: прямое подтверждение или отказ пациента никоим образом не могут свидетельствовать о ценности или бесполезности вмешательства психоаналитика; они могут быть вызваны каким-либо внушением, подчинением или сопротивлением, связанными с переносом. Фрейд также понял, что восстановление воспоминаний в форме возвращения вытесненного, которое может придать легитимность работе по анализу и убедить в этом пациента, не играет большой роли в процессе лечения.

Именно в непосредственном потенциале для возникновения свободных ассоциаций — то есть в материале, который становится доступным благодаря такому вмешательству, — Фрейд видел путь к косвенному подтверждению значимости вмешательства психоаналитика.

После этого развертывание процесса, то есть общая ассоциативность аналитического процесса, станет основой для валидации результатов анализа: «Все станет ясно в ходе дальнейшего развития» (Фрейд, 1937d, с. 265).

Дополнительным подтверждением служит выраженное в терминах самого исходного материала, в частности, в виде галлюцинаторного возвращения этого исходного материала — или, скорее, в виде наложения галлюцинации на восприятие: наложения, которое делает восприятие предельно ясным. Связанные с процессом формы исходного материала опыта объединяются с текущим психоаналитическим процессом, сигнализируя о возвращении первичных или посттравматических переживаний.

Эти различные модальности косвенной валидации направлены на то, чтобы убедиться, что пациент действительно выполняет реальную работу по субъективному присвоению — работу, которая соответствует процессу, который, по мнению Фрейда, был истинным вектором работы разума: «Wo es war soll ich werden»^[5]. Этот вектор описывает процесс, в ходе которого пациент становится «личностью-как-субъектом», новую конечную цель психоанализа. Анализанду недостаточно просто сознательно принять содержание интерпретационной конструкции аналитика; он должен по-настоящему интроецировать её, то есть присвоить себе.

Конструкции и работа аналитика по синтезу

Благодаря концепции конструирования, свидетельствующей о неизбежности преобразующей работы аналитика, личность аналитика становится неотъемлемой частью анализа — не только в форме контр-переноса, но и «лично». Таким образом, многообразие, связанное с различными типами личности у аналитиков, возвращается в практику психоанализа.

Однако смена названия, которое мы используем для описания работы психоаналитика, — переход от «интерпретации» к «конструкции» — скрывает за собой ещё одну потенциальную

трансформацию нашего представления о работе психоаналитика, трансформацию, которая, возможно, позволит нам более точно определить специфику этой работы.

Люди интерпретируют то, с чем сталкиваются: события, язык, ощущения... Они вынуждены интерпретировать, потому что данные, которые они получают в результате взаимодействия как с внутренней, так и с внешней реальностью, всегда должны быть интерпретированы — необработанные данные, которые человеческий разум должен наполнить смыслом. Именно благодаря этому в ходе аналитической работы могут происходить переосмысления — изменения в значении прошлой истории, которая, объективно говоря, сама по себе не изменилась. С другой стороны, идея конструирования — и это становится очевидным благодаря примеру, который привёл Фрейд, — гораздо реже встречается в повседневном ментальном функционировании. Таким образом, конструирование представляется более специфическим показателем основных методов работы психоаналитика.

Однако в примере Фрейда есть ещё один скрытый аспект. Вот что он пишет:

«До своего *n* года ты считал себя единственным и полноправным обладателем своей матери; затем появился другой ребёнок, и ты сильно разочаровался. Твоя мать на какое-то время оставила тебя, и даже после своего возвращения она больше не была предана тебе безраздельно. Твои чувства к матери стали двойственными, отец приобрёл для тебя новое значение» (1937d, с. 261)

Как мы видим, пример, который приводит Фрейд, — это работа по связыванию, объединяющая несколько этапов в жизни пациента. Эта связующая конструкция также является работой по синтезу, подобно нарративу, который синтезирует целое движение в сознании.

Идея синтеза в работе психоаналитика — а следовательно, и идея совершенно новой концепции работы психоаналитика — также вызывает много споров, когда мы рассматриваем практику психоанализа. С одной стороны, мы могли бы отвергнуть эту идею, опираясь на однозначно оптимистичное заявление Фрейда в работе «О направлении психоаналитической терапии» (1919a [1918]), где он говорит, что работа психоаналитика заключается в анализе, то есть в освобождении от ложных связей, которые сформировались у пациента и лежат в основе его патологического состояния. Психоаналитик верит в способность анализируемого к повторному связыванию, к синтезу, к установлению иных связей между тем, что только что было разъединено в ходе анализа. Оптимизм Фрейда в этом вопросе согласуется с главенством принципа удовольствия/неудовольствия и Эроса, который стремится «объединять органические вещества во всё более крупные единства» (Фрейд, 1921c, с. 43). С другой стороны, возможность чего-то «сверх принципа удовольствия» заставляет нас быть более осторожными, потому что силы, разрушающие связи, могут препятствовать процессу синтеза и привести к тому, что в 1923 году Фрейд назвал «чистой культурой инстинкта смерти» (1923b, с. 53). В данном случае тот факт, что повторение опыта не привело к удовлетворению, свидетельствует о неудаче синтеза.

Однако точка зрения Фрейда на этот вопрос изменилась. В последней подборке заметок, сделанных им в Лондоне в 1938 году, он приписывал то, что в 1920 году он назвал действием сил разъединения, скорее раннему опыту и слабой способности младенца к синтезу.

Если перенос такого раннего опыта не слишком интенсивен, есть надежда, что эго человека сможет самостоятельно интегрировать эти примитивные переживания, всплывающие из далёкого прошлого, то есть из того времени, когда он был слишком незрелым, чтобы их интегрировать. С другой стороны, если ранние переживания всплывают в виде, слишком близком к тому, как они ощущались изначально, человек сталкивается с той же беспомощностью и страданием, что и тогда, когда они впервые возникли.

В таких случаях психоаналитик не может занимать выжидательную позицию, как того требовал оптимизм Фрейда в 1918 году. Его/её эмпатия проявляется в самых материнских аспектах. Аналитик не может не принимать личного участия в том, как он/она реагирует. Опять же, в ходе анализа возникает неизбежное разнообразие мнений, зависящее от теории, которую аналитик построил на основе потребностей пациента в раннем возрасте.

Именно тогда различные точки зрения вступают в противоречие друг с другом в зависимости от уровня информированности аналитика и особенностей его собственной чувствительности. Он может придавать некоторое значение идее о том, что первичный симбиоз действительно существует и что, следовательно, наиболее значимыми являются переживания, связанные с разделением и дифференциацией. Такой аналитик будет уделять особое внимание всему, что связано с отсутствием объекта или проявлениями инаковости и различий объекта.

Аналитик может счесть, что условия, в которых индивид сталкивается со своими изначальными объектами, также очень важны для формирования нарциссизма. Такой аналитик, скорее всего, сосредоточится на том, как объект откликнулся на призывы пациента или пытался дать пациенту эхо или зеркальное отражение того, что в этих состояниях сознания могло быть интегрировано. Таким образом, аналитик будет очень чувствителен ко всему, что связано с тем, как эти первичные объекты проявляли своё присутствие, и в то же время с тем, как он сам присутствует в сеансе для пациента.

Конечно, современные психоаналитики стараются обращать внимание на всё, что связано как с присутствием, так и с отсутствием, и, возможно, даже на особую диалектику между присутствием и отсутствием в ранней истории анализируемого, на основе которой он/она должен/должна был/должна была сформироваться как личность.

Неизбежно то, что личные особенности аналитика, его ранний опыт и то, к чему он наиболее восприимчив в пациенте, влияют на его вмешательство в большей степени, чем что-либо другое. Это придаёт особый тон атмосфере сеансов и развитию переноса.

Это подводит меня к последнему пункту, который я хотел бы затронуть.

Тот, кого анализируют, «анализирует» стиль аналитика

Когда психоаналитики вмешиваются в ход сеанса, они делают это в соответствии с тем, что, по их мнению, они поняли о психическом функционировании своего пациента. Однако, как совершенно справедливо заметил Деверо, «тот, за кем наблюдают, наблюдает за наблюдателем» — другими словами, пациенты также «анализируют» стиль своего психоаналитика, они определяют, какой материал психоаналитик обычно выбирает для обоснования своих вмешательств, а какой игнорирует или принимает во внимание крайне редко. Всё это способствует созданию определённой атмосферы на сеансе и побуждает пациента выбрать тот или иной тип материала или, наоборот, отодвинуть на второй план некоторые другие типы.

Это неизбежно, и если анализируемый способен сказать «нет» или иным образом продемонстрировать это «нет» — например, отсутствием свободных ассоциаций после вмешательств аналитика, замораживанием всего процесса, негативной терапевтической реакцией, неявкой на сеансы и т. д., — он даёт аналитику понять, что над процессом нависла угроза отчуждающего внушения и что необходимо внести коррективы. Конечно, это также можно интерпретировать как форму сопротивления прогрессу в лечении.

Когда нарциссическое измерение/измерение самоидентификации лежит в основе процесса переноса, эта угроза становится гораздо более значимой, поскольку анализируемый более или менее «потерян» в отношениях с самим собой — и часто пребывает в атмосфере страха — и

настолько озабочен поиском идентификационных реакций, что склонен «ассимилировать» вмешательства аналитика — все они, независимо от степени их значимости, что, в свою очередь, приводит к путанице в собственных ориентирах аналитика. В такой ситуации необходимый элемент внушения, требуемый для того, чтобы освободиться от внушения, резко меняется на те виды отчуждающего влияния, которые порождают так называемое «психоаналитическое ложное Я».

Заключение

Постмодернистская точка зрения в психоанализе — и в частности, та её часть, которая связана с лечением пациентов, испытывающих значительные страдания из-за проблем с нарциссизмом и самоидентификацией, — на самом деле довольно неудобна, как мы убедились, исследуя конфликты, связанные с интерпретацией, с которыми она сталкивается. Она не может опираться на какой-либо готовый стиль вмешательства, при котором конфликты между моделями разрешались бы мгновенно. Она не может не задействовать творческий потенциал психоаналитика и не создавать потенциальных неудобств, связанных с эффектом внушения. Поэтому ему следует придерживаться «скромного» подхода, который по тону и форме остаётся гипотетическим, исследовательским.

Но оно также должно быть готово совершенствовать свои модели, чтобы сделать их совместимыми со сложностью изучаемого объекта. Оно должно отказаться от упрощённых контрастов, пытаясь быть простым или упрощённым, и признать, что ни одна модель или теория не может охватить всё живое, учитывая тот факт, что оно живое и, следовательно, содержит в себе нечто неизвестное и пока не выявленное, даже когда нам кажется, что оно замкнуто в самом разрушительном из повторений.

Ссылки:

Фрейд, З. (1916d), Некоторые типы характеров, встречающиеся в психоаналитической практике. *Стандартное издание*, **14**: 311.

Фрейд, З. (1917e [1915]), «Печаль и меланхолия» *Стандартное издание*, **14**: 239.

Фрейд, С. (1919a [1918]), Направления развития психоаналитической терапии. *Стандартное издание*, **17**: 159.

Фрейд, З. (1920 г.), «По ту сторону принципа удовольствия». *Стандартное издание*, **18**: 1.

Фрейд, З. (1921c), «Групповая психология и анализ Эго». *Стандартное издание*, **18**: 67.

Фрейд, С. (1922a), «Сновидения и телепатия» *Стандартное издание*, **18**: 197.

Фрейд, З. (1923b), «Я и Оно» *Стандартное издание*, **19**: 3.

Фрейд, З. (1923c [1922]), «Замечания по теории и практике толкования сновидений». *Стандартное издание*, **19**: 109.

Фрейд, З. (1926d [1925]), «Торможение, симптомы и тревога». *Стандартное издание*, **20**: 77.

Фрейд, С. (1933a [1932]), Новые вводные лекции по психоанализу. *Стандартное издание*, **22**: 3.

Фрейд, С. (1937d), Конструкции в анализе. *Стандартное издание*, **23**: 257.

Фрейд, З. (1941f [1938]), Находки, идеи, проблемы. *Стандартное издание*, **23**: 299.

Фрейд, С. (1941d [1921]), «Психоанализ и телепатия» *Стандартное издание*, **18**: 175.

Фрейд, З. (1950a [1887–1902]), Проект научной психологии. *Стандартное издание*, **1**: 283.

Фрейд, З. (1911b), «О двух принципах функционирования психики». *Стандартное издание*, **12**: 215

Фрейд, З. (1914g), Воспоминание, повторение и проработка (Дальнейшие рекомендации по технике психоанализа, II). *Стандартное издание*, **12**: 147.

Фрейд, З. (1915a [1914]), «Очерк о любви в переносе» (Дальнейшие рекомендации по технике психоанализа, III). *Стандартное издание*, **12**: 149.

[1] Несомненно, неслучайно то, что Фрейд, обсудив в 1920 году вопрос о навязчивом повторении и влечении к смерти, начал «*Групповую психологию и анализ Эго*» с признания того, что «индивидуальная психология [...] с самого начала [...] является также и социальной психологией» (1921c, с. 69). Этот аспект слишком часто игнорировался в психоанализе. Именно признав важность другого человека, он ввёл понятие идентификации.

[2] На самом деле их всё равно невозможно избежать, учитывая, что вмешательство аналитика всегда связано с переносом и той ролью, которую аналитик играет для пациента. Тем не менее можно надеяться, что интерпретация переноса поможет смягчить это влияние и держать его под контролем.

[3] А также в переписке, например, с Ференци.

[4] См. статьи Фрейда «Сновидения и телепатия» (1922a) и «Психоанализ и телепатия» (1941d [1921])

[5] «Там, где было id, будет эго» (Фрейд, 1933a, с. 80). Ж.-Л. Донне подчеркнул, что суперэго также должно быть субъективировано, чтобы эту фразу можно было сформулировать так: «Там, где были id и суперэго, будет эго».